

ВОСПОМИНАНИЯ АНДРЕЯ ЛУКЬЯНОВИЧА

ЛУЖИНСКОГО.

Проживал до ареста в с. Асино, был заготовителем. Арестовали вроде бы за порчу шкур. Следствие шло в Асино, там поместили в КПЗ; с ним же был арестован отец и знаменитый врач. Затем всех отправили в Томск, в КПЗ, которое находилось в здании нынешней почты, сидели в камерах внизу, в подвалах. Был старшим в камере, в ней же отец с врачом. Однажды отец сказал, что чувствует, что его куда-то заберут, и раздался звон ключей. Вызвали отца и врача. Больше их не видел, но на Пушкина в тюрьме в камере уже позднее видел подпись отца: "Мысля в бане, куда отправят, не знаю". По слухам, отец был в лагере, где-то на острое около Америки. Там он и врач умерли.

А.Л.Лужинского водили на допрос на 2-й этаж из подвала. Следствие вели асиновские энкаведешники. Часто били; особенно старался следователь Толкачев. Голову, когда ведут из камеры к следователю, поворачивать нельзя; заметят - бьют стволами револьверов под ребра. Ставили на выстойку, требовали признаний. Не признавался и не подписывал. Тех, кто подписывал, сразу же забирали, по слухам, на расстрел. Хотели, чтобы признал, что к нему из Новосибирска приезжал какой-то начальник, что-то по нефти и газу. На квартире Лужинского сидели, выпивали и после второй стопки ругали колхозный строй. Этого не было и человека он не знал. Вины не признавал; ставили на долгие часы на выстойку у печки, по несколько часов заставляли сидеть на ребрах урны. Шевелится - бьют. Так и не подписал. Отправили в Томскую тюрьму. Там держали в камере, был даже старшим там. Как-то вывели всех во двор, поставили какие-то ящики вроде стола. За ними сидели люди, они зачитали, что такой-то приговаривается к стольким-то годам лагерей; заставили расписаться. Лагеря дали всем, ВМН при нем никому не давали, об этом вообще боялись говорить и даже думать. Затем посадили в поезд и отправили на Дальний Восток. В лагерях хорошо работал, был стахановец и ударник, 12 грамот получил там за хорошую работу. Был бригадиром, прорабом, мастером. Однажды строили секретную вышку. Доверие оправдали. За хорошую работу и так как не жалел ни себя, ни подчиненных, освободили раньше, но оставили на некоторое время работать там. Когда вернулся в Асино, бывшие зеки друг с другом не встречались и не разговаривали. Боялись друг друга.

Арестовали меня в Асино, 2 июля 1937 г. Следствие шло по 22 июля 1937 г. Сначала в Асино, потом перевезли в г. Томск и там продолжали. Во время следствия из Томска несколько раз возили в Асино на очную ставку со свидетелями, которые против меня ничего существенного не показали. Вместе со мной арестовали отца и местного знаменитого врача Ламсанова. В Асино нас сидело 75 человек под следствием. Врач Ламсанов, чтобы не мыть пол в камере, отдал пайку другому человеку, и тот за него пол мыл, когда приходила очередь врача. В допросах участвовал начальник Асиновского РОНКВД Салов, он сам некоторое время вел следствие по моему делу. Еще участвовал следователь НКВД Дорохов; он живет сейчас в Первомайском районе Томской области. Приговорили меня по 58-й статье пункт 10 (антисоветская агитация). Большую часть срока отбывал на Куенге.

Слышал, что в с. Пышкино-Троицком в арестах участвовал Адамович Осип Осипович из НКВД. Это в 1937 году. Ему, говорили, органы платили 30 рублей за каждого арестованного. В Зырянском районе был Симоновский лагерь. Строили дорогу — Зэковский тракт. Там же лес зэки заготавливали. Штабеля бревен до сих пор сохранились с тех времен. Лагерь был около с. Воронья Пашня и около с. Новиковка. Там захоронения, холмы — размерами с многоэтажные дома. Умер кто — его в общую кучу, и тачку или носилки земли сверху, так холмы и образовались. Стройка была. Железную дорогу строили к Асино, болота гатили, цепочкой встанут, на несколько километров растянутся и носилки из рук в руки передают, и железнодорожную насыпь так делали. Там до сих пор чашки, железки, на которых землю таскали зэки, валяются.

Со слов Лужинского А.Л. записал Девягин С.А.
в присутствии декана ИФ ТГУ, сопредседателя
Томского общества "Мемориал" Тренина Б.П.

1989 г. г. Асино.